

КИРА ЛИХТ

ЗОЛОТО и ТЕНЬ

**LIKE
BOOK**

МОСКВА
2021

УДК 821.112.2-312.9
ББК 84(4Гем)-44
Л65

Kira Licht
GOLD UND SCHATTEN

GOLD UND SCHATTEN – DAS ERSTE BUCH DER GÖTTER
© 2019 Bastei Lübbe AG, Germany

Перевод с немецкого *Аделии Зубаревой*

Художественное оформление и дизайн переплета
Екатерины Тинмей

В коллаже на переплете и во внутреннем оформлении
использована фотография и иллюстрации:
© tugol, ShustrikS, Sur, Yanchous / Shutterstock.com
Используются по лицензии от Shutterstock.com

Лихт, Кира.

Л65 Золото и тень / Кира Лихт ; [перевод с немецкого А. Зубаревой]. — Москва : Эксмо, 2021. — 416 с.

ISBN 978-5-04-122297-0

Шестнадцатилетняя Ливия живет в семье дипломатов, и каждые три года вместе с родителями отправляется в другую страну. Недавно она переехала Париж. В городе влюбленных девушка знакомится с таинственным парнем по имени Маэль.

После этой встречи Ливия начинает замечать странные вещи. Оказывается, она понимает язык растений и может разговаривать с ними, а по ночам видеть удивительные сновидения. Ливия исследует свои необычные способности и догадывается, что ее встреча с Маэлем была не случайна.

УДК 821.112.2-312.9
ББК 84(4Гем)-44

ISBN 978-5-04-122297-0

© А. Зубарева, перевод на русский язык,
2021
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2021

ГЛАВА 1

АДСКАЯ ЗАСТАВА

«Воды... умоляю!»

Вздвогнув, я огляделась по сторонам. В Париже к прохожим часто пристают попрошайки. В основном мужчины в замызганных куртках, которые просят деньги на своих собак. Или дети с широко распахнутыми глазами: они рассказывают, как голодают их семьи. Иногда можно встретить панков с яркими волосами, те нагло кланчат мелочь. Но чтобы засыхающий одуванчик просил воды — это, скажем так, довольно необычно.

Я вздернула подбородок и стала глядеть на другую сторону улицы. От проносящихся мимо машин поднимался ветер, и подол моего платья колыхался. Сосредоточусь-ка я на чем-нибудь другом, пока не загорелся зеленый сигнал светофора. Что там со временем? Я взглянула на изящные наручные часы, плотно обхватывающие мое левое запястье. По кожаному ремешку видно: они не новые. Да и на корпусе позолота в некоторых местах стерлась. Большая стрелка, с каждой минутой ползущая вперед, дрожит, как стебель на ветру. Часы достались мне от прабабушки, это память, которой я дорожу, раритетная вещица, они очень мне нравятся.

«Воды... умоляю...»

В голове зазвучал голос. Он слышался мне четко и ясно, такое трудно игнорировать. Я знала: от этого есть таблетки. И от голосов, и от галлюцинаций. Но я боялась обратиться за помощью. Мысль о том, как окончательный диагноз может повлиять на мою жизнь, вызывала у меня дрожь.

«Пожалуйста...»

Я опустила взгляд на свои балетки, затем невольно посмотрела правее по тротуару. Одуванчик выбрал неудачное место, чтобы вырасти. Его стебель и листья с трудом пробивались через узкую расщелину между светофором и асфальтом. Ну как его не пожалеть...

«Прошу вас...»

Ладно уж. К счастью, достаточно произнести ответ мысленно — и друзья-растения меня услышат. Это я выяснила несколько недель назад. Оглядевшись, словно какой-нибудь тайный агент, я вытащила из сумки бутылочку воды. Открутила крышку и не глядя наклонила в сторону одуванчика. Плеск, брызги — и мою правую ногу обдало незапланированным душем. Просто отлично. Незаметнее некуда!

Большинство людей, стоящих на другой стороне тротуара, были погружены в свои телефоны. Остальные же пристально наблюдали за красным человечком на светофоре у меня над головой. Торопливо закрутив крышку, я убрала бутылку.

«Покорнейше благодарю».

«Не за что».

Пусть я спятила, но зато голоса обращаются ко мне с особой вежливостью. Почему-то я не сомневалась: у этой болезни бывают проявления и похуже.

На светофоре загорелся зеленый свет, и я перешла дорогу. Сердце сжималось от предвкушения. Еще немного — и я окажусь перед входом в катакомбы! До Монпарнаса я добралась на метро, на станции «Данфер-Рошро» вышла и направилась напрямик к вымощенной брусчаткой площади, посреди которой стояла большая скульптура льва. Остановившись, я попыталась сориентироваться. И тут заприметила темно-зеленый домик, где и располагался вход в катакомбы. К домику прилегал скверик — клочок зелени, окруженный низенькой оградой. Рядом с площадью Данфер-Рошро находятся три сквера, видимо, это один из них. Я же нарочно решила пойти туда, где надоедливые сорняки не пристанут ко мне с разговорами. Впрочем, сейчас меня пугала собственная храбрость. Древние слои уходят под землю на глубину более двадцати ме-

тров. Ровно сто тридцать шесть ступенек — и мы переносимся из утомительной суеты настоящего на сорок пять миллионов лет в прошлое. Так написано в путеводителе. Само собой, мне не терпится увидеть кости, искусно разложенные в подземном оссуарии... но, если говорить начистоту, их история привлекает меня куда больше. На протяжении столетий люди оставляли здесь следы своих эпох: религиозные символы, надписи на латыни, масонские знаки... А сколько великих умов Франции обрели тут свое последнее пристанище! Аж дух захватывает! Марат, Монтескье, Дантон, Робеспьер... Список можно продолжать чуть ли не бесконечно.

Сегодняшнюю экскурсию проводит археолог из Парижского городского музея. Я и сама не заметила, как ускорила шаг. Чем больше об этом думаю, тем сильнее сгораю от нетерпения. Взглянув налево, я увидела за ограждением еще один сад — наверное, это второй сквер Монпарнаса. Если лето напоследок порадует нас теплыми деньками, то лучшего места для пикника с друзьями не найти. Впрочем, я не стала рассматривать сквер — все мои мысли были заняты катакомбами — и свернула с площади на одну из улочек. Вход в катакомбы вон там, на другой стороне дороги. Группа из нескольких человек стояла у домика, другие организованно выстроились в очередь и, судя по всему, ждали открытия. Туристы то и дело останавливались, чтобы сделать фотографии. На широком тротуаре перед входом в катакомбы было оживленно, словно на ярмарке. Я с изумлением оглядывала пеструю толпу. Кто бы мог подумать, что на этой улочке окажется таклюдно?!

Дорожное движение в час пик — это настоящая пытка. Парижане вообще гоняют как сумасшедшие. Вот и сейчас величественного льва на постаменте они объезжали так лихо, что хоть кино снимай. Колеса гремели по мостовой, словно град пуль. Похоже, все торопятся вернуться домой и приступить к заслуженным выходным. Я не сразу услышала звонок телефона, потому что сосредоточенно высматривала просвет в потоке машин. Не хватало еще, чтобы меня раскатало в почтовую марку...

— Да, мам.

— Привет, дорогая. Я просто хотела напомнить, чтобы ты была осторожнее. Ничего там не трогай. Ты ведь недавно болела!

— Хорошо, мам.

Из-за уличного шума маму почти не было слышно. Мне не хотелось гадать, что она говорит, поэтому я свернула с улицы и немного прошла вдоль сквера.

— Сколько продлится эта твоя экскурсия?

— Минут сорок пять. Но у входа очередь, и я не знаю, когда музей откроется. Возможно, все немного затянется.

— Ну а официально когда начало? — В мамином голосе явно слышалось недовольство.

— В половине шестого. Если экскурсия начнется вовремя, то в четверть седьмого я уже освобожусь. Но выход из катакомб ведет на улицу Реми Дюмонсель. До метро оттуда идти прилично. Думаю, я вернусь домой около семи.

— Хорошо. Тогда мы не сядем ужинать без тебя.

Я тяжело вздохнула.

— Вам необязательно меня дожидаться. А вдруг я задержусь?

— Я пришлю за тобой машину.

Еще чего! И без того неловко, что у моего отца, американского посла, и в Париже есть личный водитель. На улицах Кореи лимузином никого не удивишь. Здесь же машину провожают недоуменными взглядами и даже фотографируют.

— Не надо, мама. В этом нет никакой необходимости. На метро быстрее. К тому же, как я узнаю город, если все время буду ездить на лимузине с тонированными стеклами? Глупость полнейшая. Да и потом, это неловко.

Увлечшись разговором, я чуть было не налетела на какого-то бродягу. Он сидел, прислонившись к ограде, кутался в одеяло и что-то шептал себе в длинную бороду. Я невнятно извинилась.

— Что случилось? — тут же поинтересовалась мама.

— Я чуть было не врезалась в прохожего.

— Mon dieu!.. — неодобрительно воскликнула мама на другом конце линии. — Боже мой!..

Похоже, она в очередной раз убедилась, что мне лучше не разгуливать по Парижу одной.

— Мам, мне пора, — я обернулась и посмотрела на вход в катакомбы, — очередь становится все длиннее.

— Я отправлю за тобой машину.

— Но мам!

— До вечера, Ливия.

— Мам, это не...

Но мама уже отсоединилась. Я с негодованием уставилась на экран телефона. Может, перезвонить? Впрочем, я хорошо знаю свою маму. Она такая же упрямая, как и я. Если что-то вбила себе в голову — никогда не изменит своего решения. Я подумала было о том, чтобы сбежать пораньше и отправиться домой на метро, но быстро отказалась от этой идеи. Во-первых, не хочу нарочно испытывать мамино терпение. Во-вторых, она наверняка сразу же позвонит в полицию и будет допытывать стражей порядка, пока те не отправят на поиски сотню полицейских. Я вздохнула, смирившись с собственным бессилием, и убрала телефон в сумку.

Пришлось опять пройти мимо того же бродяги. Присмотревшись, я заметила, что он выглядит куда неряшливее, чем казалось на первый взгляд. Свалявшиеся длинные волосы, растрепанная запущенная борода... Колени укрыты рваным одеялом. Сидит бродяга на дырявой подстилке, плечом опирается на вещевой мешок, такой грязный, что невозможно сказать, какого цвета он был изначально. Я подавила желание перейти на другую сторону улицы, чтобы не проходить мимо, и мысленно себя отругала. Это всего лишь немощный старик, который разговаривает сам с собой! И все же, приблизившись к нему, я незаметно отвела взгляд.

— Ты хранишь воду... хранишь в себе воду. И если небеса... — Старик осекся и закашлялся, да так сильно, что затрясся всем телом.

— Вы в порядке, месье? — остановившись, спросила я. — Хотите, я вызову вам «Скорую»?

Бродяга поднял голову, и я испуганно отшатнулась. Слепыми глазами он водил из стороны в сторону и словно что-то искал. Испещренные шрамами веки нервно подергивались.

— Тебе понадобится вода, — запинаясь, пробормотал он. — Прислушайся к моим словам...

— Эм, да... Я внимательно вас слушаю... — Я растерянно огляделась по сторонам. Может, позвать на помощь? Похоже, этот старик не в себе.

— Если небеса падут, тебе понадобится вода! — с отчаянием в голосе произнес он. — Вода!

— Вода, поняла.

Но как мне выпутаться из этой ситуации?

— Ступай. — Старик выпрямился, дрожа всем телом. — Ты должна идти! Не теряй времени!

Все, на что я оказалась способна, — это кивнуть. Потом торопливо отвернулась и оглядела улицу. Пусто. Машин не видно до самой площади. Воздух словно звенит от напряжения. И — мертвая тишина. Даже птицы в зарослях притихли. Что происходит?!

— Иди! — закричал старик, да так громко, что его голос перешел в хрип и оборвался.

Я побежала — через дорогу, несколько метров по тротуару. И только потом обернулась. Старик сидел на том же месте и бурно жестикулировал, тыкая в пустоту. Я направилась к площади, сердце у меня бешено колотилось. Старик явно спятил... но его слова не шли у меня из головы. Вода? Небеса? Когда он прогонял меня, улица вдруг опустела. А сейчас машины проносятся мимо чуть ли не каждую секунду. Что это, совпадение? Меня охватил хорошо знакомый страх. Все произошло взаправду? Связано ли это со случаяющимися со мной странностями? С моими снами? С голосами и галлюцинациями? Я расправила плечи. Тот бродяга явно болен. Умом тронулся, да и стар к тому же. Готова спорить, из-за алкоголя и наркотиков его мозги стали как швейцарский сыр — в дырочку. На самом деле его слова не имеют ко мне отношения. Он меня даже не знает. Так. Хватит себя накручивать! Я обернулась в последний раз. Старик кричал на двух молоденьких девушек, которые шли под руку. Издалека я не слышала слов. Втянув голову в плечи, девушки побежали прочь. Я с облегчением отвернулась. Судя по всему, старик пугает своими бредовыми пророчествами всех прохожих.

До катакомб оставалось совсем немного. Под ложечкой засосало от предвкушения. Я ждала этой экскурсии с тех самых пор,

как мы приехали в Париж, и не позволю ни маме, ни сумасшедшему бродяге все испортить.

Перед входом собралась такая толпа, что я растерялась и невольно замедлила шаг. Двери все еще закрыты. Японские туристы — все как один одетые в светлые бермуды и рубашки-поло — увлеченно переговаривались. Наверное, обсуждали, есть ли смысл становиться в очередь. В Интернете пишут, что количество участников экскурсии ограничено — всего двести человек. Следующая экскурсия состоится только завтра. Поэтому я поторопилась занять очередь, надеясь, что мне удастся раздобыть билет.

Ожидая открытия, я заметила компанию моих ровесников, они стояли у ограды и разговаривали. Двое в рубашках с гербом элитарного лица Людовика Великого. Громко смеясь, они показывали друг другу что-то в своих смартфонах и, похоже, не замечали ничего вокруг. Один из них сразу привлек мое внимание, и не только потому, что ростом был на целую голову выше своих друзей. Увидев его лицо, я пожалела, что не умею рисовать. Выразительное, с большими темными глазами, острыми скулами. В меру широкий квадратный подбородок придавал его чертам мужественности. Одет в черные узкие джинсы с подворотами, серые туфли-эспадрильи и рубашку с глубоким треугольным вырезом, подчеркивающим спортивную фигуру. На запястьях тускло поблескивают грубые браслеты, с шеи свисает тонкий кожаный шнурок. Интересно, как выглядит подвеска, спрятанная под рубашкой? На плече — переброшенная назад сумка, ее лямка делит торс на два равных треугольника. Спереди кожаный ремень похож на часть боевой экипировки.

Я подошла к дверям музея и снова украдкой посмотрела на незнакомца. Он казался старше своих друзей, но проявлялось это не во внешности. Было в нем что-то... это трудно описать словами. Внутреннее спокойствие, едва уловимое ощущение собственного превосходства. Его друзья рядом с ним казались кучкой шумных дошкольников. Я уже собиралась отвернуться, как незнакомец вдруг вскинул голову. Напрягся, словно тетива лука, и посмотрел мне прямо в глаза. Взгляд его был вопрошаю-

щим, но в то же время — настолько пронзительным, что я застыла. Первым порывом было броситься прочь — незнакомец напоминал хищника, вышедшего на охоту. Он улыбнулся, но даже тогда из его позы не исчезла настороженность. Я машинально улыбнулась в ответ. Незнакомец смотрел на меня так долго, что стало ясно: мы не случайно встретились взглядами. А потом он повернулся к своим друзьям. Только тогда я поняла, что задержала дыхание.

Между тем толпа перед входом в катакомбы пришла в движение. Некоторые туристы уже скрылись за дверями. Вернувшись в очередь, я оказалась к юноше спиной. Если обернусь, это бросится в глаза. Я подавила соблазн — пусть и не без сожаления.

Дальше дело пошло на удивление быстро. Раз — и я уже стою в изгибе очереди, почти перед входом. Я кинула беглый взгляд в сторону незнакомца. Тот как ни в чем не бывало беседует со своими друзьями. Разочарованно отвернувшись, я почувствовала легкую досаду — неужели я и правда решила, что самый привлекательный юноша Парижа будет со мной заигрывать?

Стоило переступить порог домика, как меня обдало влажным холодом. Надеюсь, в катакомбах не холоднее, чем здесь. Легкое платье на бретельках вряд ли надолго удержит тепло.

Кассир лучезарно улыбнулся и сказал лишь два слова:

— Билеты распроданы.

— Но...

— Секундочку! — наклонившись, он принялся копаться в бумагах у кассового аппарата, и его мышино-серые кудряшки задрожали, точно сотня маленьких пружинок. — Вот, — он неуклюже выпрямился и положил передо мной глянцевый лист формата А4. — Настоятельно рекомендую посетить эту выставку.

— Но я бы хотела...

— Чарующий известняк, — с особой торжественностью перебил меня собеседник.

— Известняк? — переспросила я без особого энтузиазма.

Кассир манерно откинул кудри со лба, но буквально через секунду те вернулись на место.

— Это удивительная, просто удивительная выставка. Чего стоит одно название! «Чарующий известняк: между древностью и современностью». Прелесть, — он поднял на меня сияющие глаза. — Звучит интересно, скажите!

— Ну, даже не знаю.

Я коснулась глянцевого листа и указательным пальцем подвинула его к себе. Мне хотелось посетить катакомбы, увидеть надписи, кости, в общем, полный набор! Флаер же обещал «красочное путешествие в мир известняка». Насколько я знаю, известняк нельзя назвать красочным, да и путешествия он не заслуживает.

— Сегодняшнюю экскурсию проводит Жерар Мартинес, он известный седиментолог, специализируется в области карбонатных отложений, — прошептал мой собеседник, словно речь шла о строго конфиденциальной информации.

— Выставка посвящена только камням? — поинтересовалась я, за что получила недоуменный взгляд.

— Что значит «только камням»? Это удивительная, просто удивительная...

— Ладно, — вздохнула я. Раз уж пришла, так надо хоть что-нибудь посмотреть. — Один билет, пожалуйста.

— Хороший выбор, — и кассир просиял, словно я сознательно решила не ходить в катакомбы и предпочла им выставку. Было в этом что-то... зловещее.

Заплатив, я получила билет, а к нему — рекламный проспект.

— Вас заберут из вестибюля. Выставка проходит в залах перед катакомбами, в так называемых «Трех галереях». Она начнется одновременно с экскурсией по катакомбам. Первой спустится группа, которая отправится в катакомбы, за ней — ваша. И не волнуйтесь, Жерар — удивительный, просто удивительный...

— Спасибо, месье, — сказала я и отошла от кассы. И как я позволила себя на такое уговорить?

Очередь за мной увеличилась, да и во всем зале, громко переговариваясь, толпились посетители. Я отступила к окну: не люблю сутолоку. Снова пробежалась взглядом по флаеру. «Третья галереями» называют залы, расположенные непосредственно

перед катакомбами, в период индустриализации их перестроили и расширили. В наши дни они используются для выставок, лекций и киносъемок. Я почувствовала облегчение, прочитав, что выставка продлится примерно столько же, сколько экскурсия по катакомбам. Раньше это не приходило мне в голову.

Перед кассой столпились японские туристы, они на смеси японского, французского и английского обсуждали, стоит ли сорок пять минут разглядывать известняк. Я разделяла их опасения. В вестибюле тем временем собралось такое количество народа, что все стояли друг к другу вплотную. Я больше не видела проход в катакомбы, как бы ни крутила головой. К сожалению, я не унаследовала от родителей ни высокий рост, ни стройное телосложение. Если верить маме, фигурой я пошла в бабушку Серафину, говорят, она была выдающимся кондитером, но это — слабое утешение. С родителями мы смотримся так, словно два эльфа по какой-то необъяснимой причине усыновили девочку-хоббита. У меня нет ни кудряшек, ни волосатых ног, но в остальном — полное попадание. В любой модной одежде я выгляжу крайне нелепо. Но открыв для себя платья в стиле пятидесятых годов, я все-таки смирилась со своей фигурой.

Я привстала на носочки, пытаюсь рассмотреть помещение. Куда там! Кто-то задел мое плечо рюкзаком. Я придвинулась к окну, стекло было таким грязным, что казалось матовым. Между оконными ручками висела паутина. Я не падаю в обморок при виде членистоногих с восемью лапами, но и не обрадуюсь, если они начнут по мне ползать!

Появились двое сотрудников музея и кратко представились, их звали Мишель и Жерар. Они строго-настрого наказали нам ни при каких обстоятельствах не сворачивать с основных дорожек, мол, заблудиться в катакомбах — это самое безобидное, что может случиться. Жерар объяснил: маленький зеленый домик, в котором мы находимся, не зря называют *Barrière d'Enfer*, что переводится с французского как «Адская застава». Некоторые туристы захихикали, как подростки.

И вот экскурсии начались. Первым повел свою группу Мишель. Опаздывающие поспешили за ним, и я почувствовала, как толпа так и прет на меня со спины. Через некоторое время Же-

рар поднял руку, чтобы привлечь к себе внимание, и направился следом. Пока мы по одному спускались по винтовой лестнице, становилось все холоднее. Наконец, мы оказались в первой галерее. В одной стене, в самой ее середине, чернотой зияла дыра — видимо, тот самый пресловутый туннель, куда категорически нельзя входить без сопровождения. Туннель не отличался высотой, стены его были выложены грубо обтесанным камнем, а в глубине царил непроглядная темнота. Я отвела взгляд, почувствовав легкую тошноту. Неужели кто-то сунется туда добровольно?! Мне кажется, именно так выглядит путь в ад.

Жерар начал экскурсию с рассказа о катакомбах и подземных каменоломнях в целом. Посетители рассредоточились по небольшому помещению, пытаясь занять каждый сантиметр свободного пространства.

Я думала, что голос экскурсовода эхом заполнит зал, но этого не произошло. Казалось, тусклые каменные стены, окружающие нас, поглощают все звуки, впитывают их, словно древний ненасытный зверь.

— Эти катакомбы более двух тысяч лет использовались как карьеры. Только в конце восемнадцатого века здесь стали устраивать захоронения. Поэтому катакомбы делятся на две части: на карьеры, они тоже включают в себя три галереи, и на так называемый оссуарий, его еще называют склепом. А теперь я расскажу об особой структуре известняка, который...

Я слушала с интересом, пока не почувствовала, что за мной кто-то наблюдает. Машинально повернула голову и увидела силуэт, наполовину скрытый во тьме. Высокий, стройный и явно мужской силуэт. Какой-то мужчина стоял в проходе, ведущем в запретный туннель. Большинство посетителей выглядели напряженными или даже напуганными, а этот человек, казалось, чувствовал себя как дома. Он расслабленно опирался плечом на стену, его силуэт почти сливался с темнотой.

«Только не еще одна галлюцинация», — пронеслось у меня в голове. Сегодня столько всего произошло... Мне снова начинало казаться, что я схожу с ума. Я ожидала, что силуэт вот-вот исчезнет, растворится во тьме, но тень шагнула вперед. Я в ужасе затаила дыхание, готовясь убежать, а потом разглядела серые